Научная статья
УДК 347.4
doi: 10.17223/15617793/492/22

Невозможность исполнения обязательства по французскому праву: результаты реформы в сравнительной перспективе

Екатерина Сергеевна Терди[1], Даниил Олегович Тузов[2]

[1, 2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] e.terdi@mail.ru
[2] dtuzov@hse.ru

Аннотация. Анализируются обновленные в 2016 г. положения Гражданского кодекса Франции (ФГК) о невозможности исполнения обязательства в их сравнении с соответствующими нормами Кодекса Наполеона 1804 г. и ГК РФ. На основе сопоставления французской, российской, англосаксонской, пандектной и единообразной моделей невозможности исполнения обязательства сделан вывод о том, что, несмотря на авторитетность актов единообразного права, отказ их разработчиков от признания невозможности исполнения в качестве самостоятельного основания автоматического прекращения обязательства ни французским, ни российским гражданским законодательством в ходе их реформы воспринят не был. Подчеркивается значительная схожесть российской и французской моделей невозможности исполнения.
Ключевые слова: невозможность исполнения обязательства, альтернативное обязательство, форс-мажор, Гражданский кодекс Франции

Для цитирования: Терди Е.С., Тузов Д.О. Невозможность исполнения обязательства по французскому праву: результаты реформы в сравнительной перспективе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 203–209. doi: 10.17223/15617793/492/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/20

Impossibility of performance of an obligation under French law: Results of the reform in a comparative perspective

Ekaterina S. Terdi[1], Daniil O. Tuzov[2]

[1, 2] National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation
[2] National Research Tomsk State University, Tomsk Russian Federation
[1] e.terdi@mail.ru
[2] dtuzov@hse.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the state of the Russian institution of impossibility of performance of an obligation on the basis of a detailed analysis of the French model of this institution in its historical development and in comparison with its other models (Pandect, Anglo-Saxon, Uniform models). The aim of the research determines its methodology, which is based on historical legal and comparative legal analyses mainly. The authors examine the provisions of the French Civil Code on the impossibility of performance of an obligation, updated on October 1, 2016, in comparison with both the relevant norms of the Napoleonic Code of 1804, the Russian Civil Code, the legislation of Germany and the United Kingdom, and lex mercatoria, taking into account the practice of their application. The authors establish prerequisites for the reform of the French law of obligations in 2016 in the relevant part. They note that introduction of the legal category "impossibility of performance of an obligation" is one of the novelties of the new version of the French Civil Code. This circumstance, however, did not lead to a significant change of the legal regulation in the relevant area. As before, a subsequent permanent impossibility of performance, for which neither party is responsible, is recognized by French law as a ground for an automatic termination of an obligation. The latter reflects the unwillingness of the French legislator to follow the trends set in this area by *lex mercatoria*. The authors emphasize that, despite the significant similarity between the Russian and French models of the impossibility of performance, the French judicial practice prevents a consistent implementation of the new legislative model, as it allows contract's termination or amendment due to the impossibility of its performance by a court decision.
Keywords: impossibility of performance of obligation, alternative obligation, force majeure, French Civil Code

© Терди Е.С., Тузов Д.О., 2023

***For citation*:** Terdi, E.S. & Tuzov, D.O. (2023) Impossibility of performance of an obligation under French law: Results of the reform in a comparative perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 203–209. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/22

Отсутствие легальной категории невозможности исполнения обязательства долгое время являлось особенностью французского гражданского законодательства, определявшего правовые последствия такой невозможности лишь применительно к частным случаям гибели, изъятия из гражданского оборота или утраты имущества, подлежащего передаче по договору [1]. Из трех наиболее известных проектов реформирования французского Гражданского кодекса – так называемые Проект Катала [2], Проект Министерства юстиции Франции [3] и Проект Терре [4] – невозможности исполнения обязательства было уделено внимание только в последнем, хронологически третьем проекте реформирования Гражданского кодекса Франции (ФГК), подготовленном за период 2009–2013 гг. рабочей группой, созданной при Академии нравственных и политических наук (*Académie des sciences morales et politiques*) под руководством почетного профессора Парижского университета Пантеон-Ассас (*Universitè Paris-Panthèon-Assas*) Франсуа Терре (*François Terré*).

Именно положения этого проекта, посвященные данному институту, нашли отражение в действующем ФГК, в результате реформы которого, состоявшейся в феврале 2016 г. (новая редакция соответствующих норм вступила в силу 1 октября 2016 г.) [5], в гражданском законодательстве Франции впервые появился термин «невозможность исполнения обязательства». Основу рассматриваемого правового института составляют ст. 1351 и 1351-1, формирующие раздел 5 «Невозможность исполнения» («*L'impossibilité d'exécuter*») главы IV «Прекращение обязательства» («*L'extinction de l'obligation*»), титула IV «Общий режим обязательств» («*Du régime général des obligations*») книги III ФГК, а также ст. 1218, размещенная в общих положениях о договоре.

Расположение ст. 1351 и 1351-1 ФГК в главе IV «Прекращение обязательства» само по себе свидетельствует о правопрекращающем эффекте невозможности исполнения. Более того, он прямо обозначен во втором предложении части второй ст. 1218 ФГК: «*Если препятствие* [к исполнению обязательства] *является окончательным, договор автоматически прекращается, и стороны освобождаются от своих обязательств на условиях, предусмотренных ст. 1351 и 1351-1*». Таким образом, несмотря на то, что одной из целей проведения реформы французского обязательственного права была его гармонизация с гражданским правом других европейских стран, а также с европейским правом и актами *lex mercatoria* [6; 7. P. 2–3; 8. P. 45–50; 9. P. 1041–1043; 10], французский законодатель не воспринял все более распространяющийся в настоящее время подход, согласно которому наступление невозможности исполнения не прекращает обязательство автоматически, но дает право на расторжение договора в одностороннем порядке [1. С. 197–198].

Аналогичный путь был избран и российским законодателем, что позволяет констатировать определенную схожесть французской и российской моделей рассматриваемого правового института. Так, в обоих правопорядках прекращение обязательства сопряжено только с *постоянной* (неустранимой) невозможностью исполнения. Во французском праве данное положение зафиксировано в ст. 1218 и 1351 ФГК, а в российском – разъяснено в п. 36 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений ГК РФ о прекращении обязательств». При этом последствия *временной* невозможности исполнения во французском праве предусмотрены не в ст. 1351 и 1351-1 ФГК, которыми был введен институт невозможности исполнения, а в посвященной концепции форс-мажора ст. 1218 ФГК (первое предложение части второй): «*Если препятствие* [к исполнению обязательства] *является временным, исполнение обязательства приостанавливается, кроме случаев, когда возникшая просрочка оправдывает расторжение договора*». Аналогичные положения закреплены в ст. 328 ГК РФ применительно к синаллагматическим обязательствам. Таким образом, в ходе реформы ФГК законодательно был закреплен широко распространенный в гражданском праве континентальных европейских стран подход, согласно которому временная невозможность исполнения не считается невозможностью в собственном смысле этого слова, а потому не признается основанием прекращения обязательства [11. С. 390].

В соответствии со ст. 1351 ФГК «*невозможность осуществить предоставление освобождает должника* [от исполнения обязательства] *в соответствующей части, когда она была вызвана обстоятельством непреодолимой силы и является окончательной, если только должник не принимает ее на себя или не находится в просрочке*». Согласно ст. 1351-1 ФГК, «*если невозможность исполнения вызвана утратой причитающейся* [кредитору] *вещи, то должник, находящийся в просрочке, тем не менее освобождается* [от обязательства], *если докажет, что эта утрата все равно произошла бы, даже если бы обязательство было исполнено. При этом он обязан уступить кредитору все связанные с вещью права и иски*».

Данные нормы воспроизводят положения ст. 213 и 214 Проекта Терре. При этом следует согласиться с А.А. Маковской, которая, комментируя ст. 1351 ФГК, отмечает, что «в данном новом положении ФГК в виде более общего правила сформулированы те же идеи, которые выражены в положениях прежних ст. 1302–1303 Кодекса, предусматривающих прекращение обязательства в случае гибели вещи» [12. С. 101].

Более того, надо признать, что и ст. 1351-1 ФГК во многом дублирует нормы ст. 1302 и 1303 ФГК в первоначальной редакции, упоминая, как и прежде, лишь частный случай невозможности исполнения – утрату

предмета обязательства, что несколько нарушает целостность проведенной реформы, направленной на создание единого института невозможности исполнения. Кроме того, не ново и положение ст. 1351 ФГК, прямо разрешающее перераспределение риска наступления невозможности исполнения по договору в форме принятия должником на себя риска неисполнения обязательства в связи со случайной невозможностью. Из прежней редакции ФГК было заимствовано также указание на то, что должник не освобождается от обязательства при допущенной им просрочке, даже если невозможность исполнения была вызвана форс-мажором [1. С. 199–200]. Оно согласуется и с другими нормами французского гражданского законодательства.

Так, в соответствии со ст. 1196 ФГК право собственности на вещь и риск случайной гибели последней переходят на приобретателя в момент заключения договора (принцип *solo consensu*), если из договора, природы вещей или закона не следует иное. Отступлением от этого принципа является ситуация, когда требование кредитора-приобретателя о передаче вещи, создавая состояние просрочки должника-отчуждателя (*la mise en demeure de délivrer*), снова переносит на последнего этот риск (ст. 1196, 1344-2 ФГК).

Таким образом, при вызванной форс-мажором невозможности исполнения обязательства по договору, предусматривающему встречное удовлетворение (*contrat à titre onéreux*), например по договору купли-продажи, когда эта невозможность выражается в том, что предмет исполнения – индивидуально определенная вещь – случайно погиб в период допущенной должником (продавцом) просрочки исполнения обязанности по его передаче, риск такой случайной гибели лежит на должнике. Поэтому последний не имеет права требовать от кредитора (покупателя) уплаты покупной цены, а если она уже была уплачена – обязан возвратить ее. Если же предмет обязательства погиб по причине форс-мажора после заключения договора, но до допущения должником (продавцом) просрочки, то риск несет кредитор (покупатель), который, таким образом, хотя и не получил вещь, обязан уплатить должнику (продавцу) ее покупную цену [13, 14].

Нельзя не заметить, что при формулировании новых положений о невозможности исполнения обязательства французский законодатель сохранил приверженность теории трансформации, или «продолжения», обязательства (лат. *perpetuatio obligationis*), берущей начало в римском праве, указав в ст. 1351 ФГК, что должник освобождается от обязательства только в том случае, если невозможность его исполнения вызвана форс-мажором. Данная позиция разделяется и российским законодателем: согласно п. 1 ст. 416 ГК РФ, обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. Между тем в российской цивилистической литературе можно встретить критику такого подхода, основанную на том, что какими бы причинами невозможность исполнения ни была вызвана, она влечет прекращение регулятивного договорного обязательства; возникновение же при этом охранительного обязательства (а не трансформация регулятивного обязательства в охранительное) сопряжено лишь с невозможностью исполнения, за наступление которой отвечает одна из его сторон [15. С. 804].

Еще одним из результатов реформы французского обязательственного права стало закрепление в ст. 1218 ФГК применительно к договорному праву ранее отсутствовавшего легального определения форс-мажора (*force majeure*) как препятствующего должнику исполнить свое обязательство события, «*выходящего из-под контроля должника, которое нельзя было разумно предвидеть в момент заключения договора и последствия которого нельзя избежать соответствующими мерами*».

Следует отметить, что французский законодатель в полном соответствии с современными тенденциями развития цивилистической мысли и потребностями гражданского оборота отказался от признания первоначальной невозможности исполнения обязательства в качестве самостоятельного основания недействительности договора. Такому решению, по-видимому, во многом способствовал отказ от концепции каузы. Действующая редакция ст. 1128 ФГК более не предусматривает наличие дозволенной каузы и дозволенного предмета в качестве условий действительности договора.

В настоящее время к таким условиям относятся, как и ранее, наличие соглашения сторон и их дееспособность, а также – и в этом состоит новелла 2016 г. – соответствие договора требованиям закона к его содержанию и определенность его условий. Последнее условие, функционально заменившее условия о дозволенных каузе и предмете, должно быть рассмотрено более внимательно, поскольку ситуация, при которой на момент заключения договора и возникновения обязательства обязанность должника не могла быть исполнена в связи с несоответствием договора закону, с чем связана, согласно ст. 1128 ФГК недействительность договора, может быть охарактеризована, с точки зрения пандектной доктрины, как первоначальная юридическая невозможность исполнения. Более того, в соответствии со ст. 1163 ФГК предмет договора может быть как наличествующим, так и будущим, но в любом случае он должен быть возможным и определенным либо определимым. Поскольку данная статья помещена в субсекцию «Содержание договора» («*Le contenu du contrat*»), а в соответствии со ст. 1128 ФГК условием действительности договора является, как показано выше, соответствие содержания договора требованиям закона, то представляется, что договор с незаконным либо невозможным предметом (например, договор подряда о создании *perpetuum mobile*) является недействительным. Несмотря на то, что в пандектистике такое решение объяснялось с помощью концепции первоначальной невозможности исполнения, а в действующем французском гражданском законодательстве (как и в Германском гражданском уложении в редакции 2002 г., а также в актах *lex mercatoria*) оно имеет иное обоснование, по существу результат такого правового регулирования в различных правовых системах идентичен.

Отдельный интерес представляют обновленные положения ФГК о невозможности исполнения *альтернативного* и *факультативного* обязательств и об этих обязательствах вообще. Они полностью воспроизводят ст. 170–174 Проекта Терре и существенно отличаются от первоначальных, так как были сформулированы с учетом правовых позиций Кассационного суда Франции.

Первое принципиальное отличие состоит в том, что ст. 1307-1 ФГК в новой редакции впервые определяет последствия неосуществления управомоченной стороной в предусмотренный договором срок или в отсутствие такового – в разумный срок принадлежащего ей права выбора одного из нескольких предусмотренных договором альтернативных предметов исполнения. В таком случае другая сторона имеет право после предъявления требования об исполнении самостоятельно осуществить выбор или расторгнуть договор. Осуществление выбора предмета исполнения является окончательным и влечет утрату обязательством характера альтернативного. Данное правило, сформулированное Кассационным судом Франции в решении, вынесенном 3 июня 1966 г. [16], означает, что надлежащим признается только исполнение, осуществленное в соответствии со сделанным управомоченной стороной выбором. В ГК РФ вопросу неосуществления уполномоченной стороной выбора в альтернативном обязательстве посвящена ст. 320, согласно которой, если должник по альтернативному обязательству, имеющий право выбора, не сделал его в пределах установленного для этого срока, в том числе путем исполнения обязательства, кредитор по своему выбору вправе потребовать от должника «совершения соответствующего действия или воздержаться от совершения действия». Недостатком юридической техники в данной формулировке является ее двусмысленность. В частности, может возникнуть вопрос относительно того, на что в рассматриваемом случае имеет право кредитор: на осуществление выбора вместо должника или на адресованное должнику требование осуществить этот выбор.

Данную неопределенность устраняет разъяснение, содержащееся п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (далее Пленум № 54): если должник не сделал выбор в установленные сроки, управомоченным на выбор в соответствии с п. 1 ст. 320 ГК РФ становится кредитор. Пункт 2 ст. 320 ГК РФ сформулирован более конкретно и гласит, что если право выбора по альтернативному обязательству предоставлено кредитору или третьему лицу и указанные субъекты не сделали выбор в пределах установленного для этого срока, должник исполняет обязательство по своему выбору. Таким образом, последствием неосуществления управомоченным лицом права выбора предмета исполнения альтернативного обязательства является переход этого права к контрагенту. При этом, в отличие от ФГК, в российском гражданском законодательстве возникновение этого права не сопряжено с предварительным предъявлением контрагенту требования, хотя Пленум № 54 все-таки предоставляет должнику право (но не обязанность!) потребовать от кредитора или третьего лица, обладающих правом выбора, указаний на предмет исполнения обязательства; должник, не обратившийся с таким требованием после истечения срока для его осуществления, не считается просрочившим (п. 45 Пленума № 54).

Как следует из формулировки ст. 1307-1 ФГК, стороной, управомоченной на выбор предмета исполнения, признается должник. Однако с учетом ст. 1307-4 ФГК, устанавливающей правовые последствия возникновения невозможности исполнения альтернативного обязательства в случае неосуществления *кредитором* права выбора предмета исполнения, во французской цивилистике признается, что право выбора может быть предоставлено законом или соглашением сторон кредитору. Первоначальная редакция ст. 1190 ФГК не требовала подобного толкования, так как прямо устанавливала, что право выбора предмета исполнения альтернативного обязательства принадлежит должнику, если оно не было явно предоставлено кредитору [1. С. 203]. Позиция, согласно которой суд не может заменить сторону в осуществлении выбора предмета исполнения альтернативного обязательства, так как не является стороной договора, а потому при неосуществлении права выбора управомоченной стороной оно переходит к ее контрагенту, была сформулирована Кассационным судом Франции в решении, вынесенном 4 июля 1968 г. [17].

Второе существенное отличие новых норм об альтернативных обязательствах от их предыдущей редакции заключается в значительно менее подробном регулировании отношений, связанных с *невозможностью исполнения* альтернативного обязательства. Существовавшее до реформы правовое регулирование практически не оставляло «белых пятен» и при этом критиковалось некоторыми французскими цивилистами (в частности, М. Планиолем) за избыточность [1. С. 203]. Новая редакция ФГК в этом отношении гораздо более лаконична, хотя при этом нормы ст. 1307-2 и 1307-5 ФГК, посвященные невозможности исполнения альтернативного обязательства, дублируют, как представляется, общие положения ФГК о невозможности исполнения и нормы ФГК об осуществлении выбора предмета исполнения альтернативного обязательства.

Так, согласно ст. 1307-2 ФГК, должник освобождается от исполнения альтернативного обязательства, если после осуществления выбора предмета обязательства наступила вызванная форс-мажором невозможность его исполнения. Как отмечалось выше, ст. 1307-1 ФГК связывает с осуществлением выбора предмета исполнения трансформацию альтернативного обязательства в простое. В соответствии со ст. 1351 ФГК, невозможность исполнения обязательства, вызванная форс-мажором, влечет его прекращение. Таким образом, системное толкование указанных норм в принципе позволяет обойтись без ст. 1307-2 ФГК [17].

Далее, в соответствии со ст. 1307-5 ФГК, в случае наступления невозможности совершения каждого из

действий, предусмотренных альтернативным обязательством, должник освобождается от его исполнения только в том случае, если форс-мажор стал причиной невозможности совершения всех предусмотренных обязательством альтернативных действий. С учетом того, что данная ситуация может сложиться, если только выбор предмета исполнения до момента наступления невозможности исполнения еще не был осуществлен, аналогичный вывод можно было бы сделать на основании лишь ст. 1351 ФГК. Так, если форс-мажор стал причиной невозможности совершения только одного из двух действий, предусмотренных альтернативным обязательством (или, если в обязательстве более двух предметов, то при невозможности всех их, кроме одного), то оно трансформируется в простое. Если предмет последнего не может быть предоставлен по причине, с форс-мажором не связанной, то в соответствии со ст. 1351 ФГК должник не освобождается от исполнения обязательства; он обязан возместить кредитору стоимость предмета исполнения и другие убытки, причиненные неисполнением обязательства. Если же форс-мажор привел к невозможности совершения всех действий, предусмотренных альтернативным обязательством, то последнее прекращается без возникновения обязанности должника по возмещению убытков. Данное правовое последствие, как отмечалось выше, наступит и в том случае, если невозможность исполнения, вызванная форс-мажором, возникнет после осуществления управомоченной стороной права выбора предмета исполнения [17].

Две другие статьи, посвященные альтернативному обязательству, – ст. 1307-3 и 1307-4 ФГК – определяют правовые последствия невозможности исполнения при неосуществлении выбора предмета исполнения должником или кредитором, соответственно. Должник, не выбравший предмет исполнения, в случае наступления невозможности исполнения альтернативного обязательства предоставлением одного из предметов обязан предоставить кредитору другой предмет (ст. 1307-3 ФГК). Кредитор, не выбравший предмет исполнения, в случае наступления невозможности исполнения альтернативного обязательства предоставлением одного из предметов по причине форс-мажора, обязан принять другой предмет (ст. 1307-4 ФГК). В ГК РФ отсутствуют нормы, посвященные распределению риска наступления невозможности исполнения альтернативного обязательства до осуществления выбора управомоченной стороной. Представляется, что они и не требуются, так как могут быть логически выведены с учетом других установленных законом и разъясненных Верховным Судом РФ правил. Так, если невозможность совершения одного из предусмотренных альтернативным обязательством действий наступила до истечения срока для осуществления управомоченным лицом выбора предмета исполнения, то применению подлежат разъяснения уже упоминавшегося п. 46 Пленума № 54. Если же невозможность исполнения наступила после истечения срока для осуществления выбора, то те же разъяснения применяются с учетом того, что право выбора переходит к контрагенту.

Необходимо упомянуть, что новая редакция ФГК, в отличие от предыдущей, содержит положения не только об альтернативных, но и о факультативных обязательствах, т.е. обязательствах с единственным предметом исполнения, который, однако, может быть заменен должником. Поскольку замена предмета является правом, а не обязанностью должника, ст. 1308 ФГК констатирует прекращение факультативного обязательства в связи с невозможностью его исполнения, возникшей по причине форс-мажора. Российский законодатель в ходе реформы ГК РФ также посчитал необходимым обратить внимание на факультативные обязательства, посвятив им ст. 308 и 320 ГК РФ. При этом последствия невозможности исполнения факультативного обязательства в российском законодательстве не определяются, но разъяснения по данному вопросу содержатся в п. 48 Пленума № 54: в случае невозможности исполнения должником основного предоставления кредитор не имеет права требовать исполнения факультативного.

Итак, следует заключить, что, поскольку в первоначальной редакции ФГК термин «невозможность исполнения обязательства» не использовался, это некоторым образом роднило французский подход с существовавшим в Великобритании до середины XIX в., в соответствии с которым ни первоначальная, ни последующая невозможность не влияли на обязательство. Между тем, в отличие от описанной англосаксонской модели, такие частные случаи невозможности исполнения обязательства, как гибель, изъятие из гражданского оборота или утрата предмета обязательства, наступившие после его возникновения, являлись, согласно прежней редакции ФГК, основанием автоматического прекращения обязательства, если происходили без вины должника и до того, как он допустил просрочку. Это позволяет констатировать схожесть французской и российской моделей рассматриваемого правового института, а также принципиальное их отличие от подхода, воплощенного в актах *lex mercatoria* и в действующей редакции ГГУ, согласно которым прекращение обязательства связывается не с невозможностью исполнения как таковой, а с уведомлением должника о расторжении договора в связи с неисполнением обязательства. При этом французские суды считали допустимым не только констатировать автоматическое прекращение обязательства в момент наступления невозможности его исполнения, но также прекращать соответствующие договоры своим решением или даже изменять их, что вызывало критику в адрес французской модели невозможности исполнения (в том числе со стороны французских цивилистов) за ее непоследовательность [11. С. 386; 18. P. 199–202; 19. С. 113].

Если модель невозможности исполнения обязательства, принятая в актах единообразного права, не признает первоначальную невозможность самостоятельным основанием недействительности договора (в отличие от пандектной модели, исходящей из латинской максимы *impossibilium nulla obligatio est*), рассматривая ее в ракурсе или нарушения договора, приводящего к его расторжению, или ошибки при заключении договора, влекущей недействительность последнего, то во французском праве до реформы ФГК одним

из оснований недействительности договора была *недозволенность* его *каузы* – основание, характерное для гражданского права Франции и стран, воспринявших французскую модель.

В результате реформы обязательственного права 2016 г. французский законодатель отказался от таких оснований недействительности договора, как отсутствие или недозволенность каузы и недозволенность предмета, и по примеру действующей редакции ГГУ и актов *lex mercatoria* не признал первоначальную невозможность исполнения обязательства как таковую в качестве самостоятельного основания недействительности договора. Между тем, согласно действующему ФГК, несоответствие договора требованиям закона к содержанию и неопределенность его условий (в том числе условия о предмете) хоть и не квалифицируется в качестве первоначальной невозможности исполнения обязательства, является основанием недействительности договора, что, по сути, делает таким основанием в том числе и невозможность предмета.

Существенной новеллой ФГК стало введение термина «невозможность исполнения обязательства», ранее в нем отсутствовавшего, и признание такой невозможности основанием освобождения должника от исполнения обязательства и автоматического прекращения последнего. Данное обстоятельство представляется важным, так как отражает нежелание французского законодателя следовать некоторым современным трендам, заданным единообразным правом.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в части регулирования отношений, связанных с наступлением невозможности исполнения обязательства, французский и российский законодатель реализуют во многом схожие модели. Следует, однако, учитывать, что сложившаяся до рассматриваемой реформы ФГК французская судебная практика, допускающая при наступлении невозможности исполнения обязательства изменение или расторжение договора судом, не вполне соответствует новой законодательной модели.

Список источников

1. Терди Е.С., Тузов Д.О. Невозможность исполнения обязательства по Кодексу Наполеона 1804 г. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 195–207. doi: 10.17223/22253513/46/14
2. Catala P. (dir.) Avant-projet de Reforme du Droit des Obligations (Articles 1101 a 1386 du Code Civil) et du Droit de la Prescription (Articles 2234 a 2281 Code Civil). Rapport a Monsieur Pascal Clement Garde des Sceaux, Ministre de la Justice, 22 Septembre 2005. URL: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/RAPPORTCATALASEPTEMBRE2005.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
3. Le Projet de la Chancellerie de Réforme du Droit des Contrats. URL: http://www.chairejlb.ca/files/sites/38/2010/07/reforme_all.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
4. Terré F. (dir.) L'avant-projet de Réforme du Droit des Obligations. Document de travil 23 octobre 2013 [ressource électronique]. mfmblog.files.wordpress.com. URL: https://mfmblog.files.wordpress.com/2014/09/avant-projet-de-rc3a9forme-octobre-2013.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
5. Ordonnance n° 2016-131 du 10 février 2016 Portant Réforme du Droit des Contrats, du Régime Général et de la Prevue des Obligations // Journal Officiel n°0035 du 11 février 2016 texte n° 26. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004939&categorieLien=id (дата обращения: 02.03.2023).
6. Séjean M. The French Reform of Contracts: An Opportunity to Tie Together the Community of Civil Lawyers // A Louisiana Law Review. 2016. Vol. 76, № 4. P. 1151–1161.
7. Boucard H. The Curious Process of Reforming France's Law of Obligations // Montesquieu Law Review. 2015. № 1. P. 1–13.
8. Downe A. The Reform of French Contract Law: A Critical Overview // Revista da Faculdade de Direito UFPR. 2016. Vol. 61, № 1. P. 43–68.
9. Smits J., Calomme C. The Reform of the French Law of Obligations // Maastricht Journal. 2016. № 6. P. 1040–1050.
10. Rowan S. The New French Law of Contract // International & Comparative Law Quarterly. 2017. P. 2–4; 17–20. URL: http://eprints.lse.ac.uk/75815/1/Rowan_New%20French%20law_2017.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
11. Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. Т. 2. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 728 с.
12. Маковская А.А. Реформа договорного права во Франции. Новые положения Гражданского кодекса Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 76–101.
13. François C. La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1217 à 1218 de la Nouvelle Section 5 «L'inexécution du Contrat». URL: https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre3/stitre1/chap4/sect5/ (дата обращения: 02.03.2023).
14. François C. La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1196 à 1198 de la Nouvelle Section 2 «Effet Translatif». URL: https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre3/stitre1/chap4/sect1/ssect2-effet-translatif/ (дата обращения: 02.03.2023).
15. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. 1120 с.
16. Bamdé A. L'obligation Plurale par ses Objets: les Obligations Cumulatives, Alternatives et Facultatives. URL: https://aurelien-bamde.com/2017/09/11/lobligation-plurale-par-ses-objets-les-obligations-cumulatives-alternatives-et-facultatives/ (дата обращения: 02.03.2023).
17. François C. La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1307 à 1307-5 du Nouveau Paragraphe 2 «L'obligation Alternative». URL: https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre4/chap1/sect3/ssect1/para2-obligation-alternative/ (дата обращения: 02.03.2023).
18. Nicholas B. French Law of Contract. London : Butterworths, 1982. 253 p.
19. Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. Т. 1. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 742 с.

References

1. Terdi, E.S. & Tuzov, D.O. (2022) Impossibility of Performance of an Obligation under the Napoleonic Code of 1804. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of Law*. 46. pp. 195–207. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/46/14
2. Catala, P. (ed.) *Avant-projet de Reforme du Droit des Obligations (Articles 1101 a 1386 du Code Civil) et du Droit de la Prescription (Articles 2234 a 2281 Code Civil). Rapport a Monsieur Pascal Clement Garde des Sceaux, Ministre de la Justice, 22 Septembre 2005.* [Online] Available from: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/RAPPORTCATALASEPTEMBRE2005.pdf (Accessed: 02.03.2023).
3. Chaire Jean-Louis Baudouin. (2008) *Le Projet de la Chancellerie de Réforme du Droit des Contrats*. [Online] Available from: http://www.chairejlb.ca/files/sites/38/2010/07/reforme_all.pdf (Accessed: 02.03.2023).

4. Terré, F. (ed.) (2013) L'avant-projet de Réforme du Droit des Obligations. Document de travil 23 octobre 2013. *Mfmblog*. [Online] Available from: https://mfmblog.files.wordpress.com/2014/09/avant-projet-de-rc3a9forme-octobre-2013.pdf (Accessed: 02.03.2023).
5. Légifrance. (2016) Ordonnance n° 2016-131 du 10 février 2016 Portant Réforme du Droit des Contrats, du Régime Général et de la Prevue des Obligations. *Journal Officiel.* 0035 (26). 11 February. [Online] Available from: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004939&categorieLien=id (Accessed: 02.03.2023).
6. Séjean, M. (2016) The French Reform of Contracts: An Opportunity to Tie Together the Community of Civil Lawyers. *A Louisiana Law Review*. 4 (76). pp. 1151–1161.
7. Boucard, H. (2015) The Curious Process of Reforming France's Law of Obligations. *Montesquieu Law Review*. 1. pp. 1–13.
8. Downe, A. (2016) The Reform of French Contract Law: A Critical Overview. *Revista da Faculdade de Direito UFPR*. 1 (61). pp. 43–68.
9. Smits, J. & Calomme, C. (2016) The Reform of the French Law of Obligations. *Maastricht Journal*. 6. pp. 1040–1050.
10. Rowan, S. (2017) The New French Law of Contract. *International & Comparative Law Quarterly*. pp. 2–4; 17–20. [Online] Available from: http://eprints.lse.ac.uk/75815/1/Rowan_New%20French%20law_2017.pdf (Accessed: 02.03.2023).
11. de la Morandière, J.L. (1960) *Grazhdanskoe pravo Frantsii* [Civil Law of France]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
12. Makovskaya, A.A. (2016) Reforma dogovornogo prava vo Frantsii. Novye polozheniya Grazhdanskogo kodeksa Frantsii [Reform of contract law in France. New provisions of the French Civil Code]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 8. pp. 76–101.
13. François, S. (2016) La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1217 à 1218 de la Nouvelle Section 5 "L'inexécution du Contrat". *Institut d'études judiciaires Jean Domat*. [Online] Available from: https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre3/stitre1/chap4/sect5/ (Accessed: 02.03.2023).
14. François, S. (2016) La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1196 à 1198 de la Nouvelle Section 2 "Effet Translatif". *Institut d'études judiciaires Jean Domat*. [Online] Available from: https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre3/stitre1/chap4/sect1/ssect2-effet-translatif/ (Accessed: 02.03.2023).
15. Karapetov, A.G. (ed.) (2017) *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postateynyy kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Contract and Obligation Law (General part): article-by-article commentary to articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. [Electronic edition. Version 1.0]. Moscow: M-Logos.
16. Bamdé, A. (2017) L'obligation Plurale par ses Objets: les Obligations Cumulatives, Alternatives et Facultatives. *A. Bamdé & J. Bourdoiseau. Le droit dans tous ses états.* 11 September. [Online] Available from: https://aurelienbamde.com/2017/09/11/lobligation-plurale-par-ses-objets-les-obligations-cumulatives-alternatives-et-facultatives/ (Accessed: 02.03.2023).
17. François, S. (2016) La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1307 à 1307-5 du Nouveau Paragraphe 2 "L'obligation Alternative". *Institut d'études judiciaires Jean Domat*. [Online] Available from: https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre4/chap1/sect3/ssect1/para2-obligation-alternative/ (Accessed: 02.03.2023).
18. Nicholas, B. (1982) *French Law of Contract*. London: Butterworths.
19. de la Morandière, J.L. (1960) *Grazhdanskoe pravo Frantsii* [Civil Law of France]. Translated from French. Vol. 1. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.

Информация об авторах:
Терди Е.С. – канд. юрид. наук, магистр наук в области сравнительного права, экономики и финансов, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.terdi@mail.ru
Тузов Д.О. – д-р юрид. наук, доктор римского и гражданского права, профессор кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dtuzov@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
E.S. Terdi, Cand. Sci. (Law), MSc. (Comparative Law, Economics and Finance), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.terdi@mail.ru
D.O. Tuzov, Dr. Sci. (Law), Doctor of Roman and Civil Law, professor, National Research Tomsk State University (Tomsk Russian Federation); professor, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dtuzov@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 28.04.2023;
approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.